

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ

НАРОД И ВЛАСТЬ

(По следам евразийцев)

В 20-е годы прошлого века в русской эмиграции влиятельным было течение “евразийцев”, основным идеологом которых был князь Н. С. Трубецкой. После смерти Трубецкого произошли расцвет и падение национал-социализма в Германии, Вторая мировая война, “холодная война” и распад “социалистического лагеря”. В свете этих грандиозных изменений многие идеи “евразийцев” (как и большинство человеческих предсказаний) оказались мало подтверждёнными фактами. Но некоторые из них с современными фактами согласуются, и на них интересно сейчас обратить внимание.

Так, Трубецкой пишет: “Взгляд на государственно организованное человеческое общество как на живое и органическое единство предполагает существование в этом обществе особого правящего слоя, т. е. совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого (...)”.

Правящий слой (...) отбирается из общей массы данной общественно-государственной среды по какому-нибудь определённом признаку, но признак этот не во всех государствах один и тот же: в одних этот признак — имущественный, в других — генеалогический и т. д.”. И дальше он говорит: “Именно типы отбора правящего слоя, а вовсе не типы формы правления существенно важны для характеристики государства”.

Мы, в России, пережили этот принцип, так сказать, “на своей спине”. В XX веке мы испытали, кажется, все доселе существовавшие формы государственного управления: абсолютную монархию, конституционную монархию, тоталитарный строй и самые крайние формы демократии. И во всех случаях жизнь реально определялась не всем народом, а неким правящим слоем, который использовал те или иные формы государственного правления. Причём по многим источникам можно судить, что это отнюдь не российская особенность: так происходит и во всём мире.

Связь этого правящего слоя со всем народом может быть более или менее тесной (когда он, например, сражается с внешним врагом, защищая народ от порабощения, или когда “сидит на шее” народа, как его эксплуататор). Эти отличия и составляют разнообразие исторических эпох.

Трубецкой разбирает два типа такого отбора, существовавшие в его время в пределах “мира европейской цивилизации”: аристократический и плутократически-демократический. Если исходить из этой, по всей видимости убедительной, точки

ШАФАРЕВИЧ Игорь Ростиславович родился в 1923 году в Житомире. Окончил МГУ. Выдающийся математик и мыслитель, Академик Российской академии наук и многих зарубежных академий. Автор исследований “Две дороги к одному обрыву”, “Социализм как явление мировой истории” и культовой работы “Русофобия”, опубликованной в “Нашем современнике” в 1989 году

зрения, то для понимания нашей, русской истории нам, прежде всего, важен вопрос: из кого же состоял правящий слой дореволюционной России? Я попробую привести несколько примеров, указывающих на определённый ответ.

В одном письме Л. Толстой рассказывает о судьбе крестьянской девочки-сироты Акульки, над которой, по словам Толстого, “случайно разжалобилась” местная помещица. Толстой пишет: “Её благодетельница не ошиблась в том, что нужно для того, чтобы доставить своей воспитаннице то, что считалось ею несомненным счастьем: она дала Акульке образование”. Теперь Акулька превратилась в директрису гимназии Акулину Тарасовну, с которой Толстой пил чай, и на вопрос: “угодно ли Вам ягод?” она отвечала: “Пожалуй, что немного: мой милый доктор не велит, да уж очень хороши ягоды”.

Аналогичные рассказы я слышал от людей, живших до революции. Они рассказывали, что университетское образование давало гарантию сытого, спокойного существования жизни в просторной квартире и возможности дать такое же образование и своим детям. Мой отец, например, жил в семье своего отчима — мелкого провинциального чиновника — и рассказывал, что в детстве испытывал ночные страхи, т. к. ближайшие к нему люди спали в нескольких комнатах от него.

“Люди с образованием” как бы составляли отдельный народ, говоривший на своём языке (хотя, может быть, и не по-французски). Как велик был разрыв между ними и простым народом, я почувствовал, когда как-то был в Михайловском (Пушкинском музее) и мне подарили на память томик их “Трудов”. Там были напечатаны воспоминания одной старой актрисы, которую устроили под старость смотрительницей в Михайловское. И она описывала, как в 1918 году окрестные крестьяне жгли домик Пушкиных — причём не с целью грабежа, а весело, с плясками, песнями, под гармошку...

Множество подобных фактов указывает, что именно образованные (или “полуобразованные”) люди составляли правящий слой предреволюционной России — а не дворяне (к концу XIX века разорившиеся) и не “капиталисты”, которых тогда в России практически не было.

Разрыв связи с народом требует для нормальных людей какого-то оправдания, и оно реализуется как представление об этом народе как о дикой и тёмной массе. Началось это у нас ещё в XVII веке, когда правящим слоем было дворянство.

Так, Ключевский в “Курсе русской истории”, говоря о дворянских нравах середины XVII века, цитирует комедию Сумарокова “Чудовищи”, где одно из действующих лиц восклицает: “Я бы и русского языка знать не хотел! Скарденый язык! Для чего я родился русским?” При Петре I дворянство (или “шляхетство”, как тогда говорили) было закрепощено не менее “круто” (в современной терминологии), чем крепостное крестьянство: дворянин обязан был служить с 15-ти лет и до смерти или увечья, делавшего его службой невозможной. И вот указом Петра III о “Пожаловании всему российскому благородному дворянству волюности и свободы” вся тяжесть служения государству была переложена на одних крестьян. Естественно, что среди крестьян распространился слух о скорой отмене и крепостного права. Но крестьянам пришлось ждать этой отмены почти 100 лет (точнее говоря, 99 лет и один день). Ряд историков видят именно в этом причину Пугачёвского движения. Такой же отрыв правящего слоя от основной массы народа сохранился, когда этим слоем стали “образованные люди”.

Трубецкой считал, что в его время вырабатывается совершенно “новый тип отбора правящего слоя”, который он называл (в его идеальной форме) “идеократией”, когда этот отбор основывается на служении определённой идее. Вряд ли, однако, протекшее время подтвердило этот прогноз. Во-первых, яркими примерами таких “идеократий” в XX веке служили национал-социалистическая Германия и большевистский Советский Союз, в которых служение “идее” было более словесным и которые не выдержали конкурентной борьбы с другими формами государственного устройства. Во-вторых, почему бы тогда не считать примером “идеократии” господство Церкви, как в средневековой Западной Европе, так и в Московском царстве? Да и сам автор считает, что эпоха первых халифов “очень близко подходит к типу идеократического государства (хотя, конечно, отнюдь не совпадает с этим типом)” — но только не объясняет, почему же эта эпоха с таким типом не совпадает (да ещё “отнюдь”).

Тем не менее некоторые замечания Трубецкого находят подтверждение в современности. Так, он считает, что идеальное “идеократическое” государство будущего основывается на власти “единой и единственной” партии. И действительно, такая партия существовала и в фашистских странах и в СССР, она существует и в современной России. А тот избирательный спектакль, который периодически происходит в современных странах Запада, лишь должен затушевать принципиальное единство разных, якобы противоречащих друг другу путей, между которыми граждане делают выбор. Так что, вероятно, здесь подмечена некоторая реальная тенденция ближайшего будущего.

Впрочем, надо сказать, что любой строй основывается на некоторой идеологии и в этом смысле несёт в себе черты “идеократии”. Это особенно остро показала мне жизнь на двух примерах. Так, я помню разговор с одним моим американским коллегой и даже (по крайней мере — тогда) приятелем. Разговор происходил в ресторанчике под Парижем. Мой приятель сказал: “У меня в Гарварде есть коллега, который считает, что сейчас евреи в СССР тяжко угнетены”. На что я ответил, что, по моим наблюдениям, евреи сейчас по основным признакам (доступ к влиятельным постам и к образованию, жизнь, главным образом, в больших городах, наконец, возможность эмиграции) составляют самую привилегированную группу населения СССР. Тут мой собеседник чуть не подскочил на стуле и замахал руками. Мне запомнилось его восклицание: “No, you are going too far!” То есть: “Нет, Вы заходите слишком далеко!” Он, видимо, ожидал от меня ответа в англосаксонском стиле, вроде “с одной стороны это так, а с другой не совсем”. Но тут он просто увидел нарушение некоторых границ, через которые я перехожу и “захожу слишком далеко”. Это и означает нарушение некой идеологической нормы, что предполагает господство какой-то идеологии.

Или как, например, объяснить, что в обширной статье “Размышления над Февральской революцией”, содержащей квинтэссенцию его многолетних исследований — этого, как он сам неоднократно писал, ключевого события нашей истории, А. И. Солженицын, перечисляя основных деятелей Временного правительства, пишет, что они — “тёмные лошади тёмных кругов, но даже нет надобности в это вникать”. На самом деле те “трое”, о которых пишет автор, были попеременно руководителями русского масонства — секретарями “Великого Востока народов России”. В указанном списке, правда, опущен последний секретарь “Великого Востока” — Гальперин, недавно опубликованные воспоминания которого касаются как раз его участия в Февральской революции. Я вполне допускаю, что через несколько десятилетий историки установят, что никакой “масонской тайны” в Февральской революции не было. Но на настоящее время — это явный штамп подчинения некоей идеологической дисциплине. Это вопрос, в который “нет надобности вникать”. То есть идеология — хоть и не сформулированная явно и не изложенная в учебниках — существует. На Западе даже сформулирован термин, обозначающий отклонения от этой идеологии: “неполиткорректность”.

Таким образом, представляется, что любое государственное устройство предполагает некоторую идеологию и, значит, имеет некоторые черты “идеократии”. Опыт последних десятилетий показал лишь, что государственное устройство более устойчиво, если эта идеология не сформулирована явно. Так что одним из условий отбора в правящий слой является способность её угадывать и ей следовать.

Таков общественный строй современного Запада и контролируемых им стран (включая Россию).

Именно это, как мне кажется, и порождает слухи о том, что западный мир контролируется тайным “мировым правительством”. Тому же способствуют и высказывания некоторых “торопящихся” (используя любимое словечко Достоевского) влиятельных людей Запада. Так, в начале прошлого века один из самых богатых (тогда) людей мира — Вальтер Ратенау — писал, что “300 человек, лично знающих друг друга, решают судьбы континента”. Может быть, когда-то идеи Ратенау и окажутся полезными кому-то. Но для него лично эта торопливость оказалась губительной. Именно он в 1922 году стал министром иностранных дел Германии, причём поддерживал так называемую “Realpolitik”, предусматривающую согласие Германии на выплату колоссальных репараций, растягивающихся на много поколений. Тем самым для немецких националистов он стал воплощением врага, “еврейского плутократа, продающего Германию”, и в результате был убит так и не найденным террористом — как подозревают, из националистической организации “Консул”.

Мне лично существование такого строго очерченного центра, управляющего всем западным миром, кажется сомнительным. Я, конечно, никаких конкретных фактов по этому поводу не знаю, но наблюдал, как управляются несопоставимо меньшие единицы — какой-нибудь институт Академии наук или факультет Университета, — и предполагаю, что и в грандиозных масштабах дело обстоит в принципе так же. А именно, всегда имеется некоторый круг “влиятельных лиц”, который по существу и является правителем. Но он состоит обычно из нескольких концентрических кругов, состав которых переменный. Его ядро образуют “самые влиятельные” лица, без согласия которых никакой вопрос не может быть решён. Дальше идут “более или менее влиятельные” лица, которые участвуют в решении одних вопросов, но без обращения к которым обходятся в других случаях. Но я не знаю никаких твёрдых фактов, которые подтверждали бы существование жёстко ограниченного “мирового правительства” западного мира.

Таких слухов и не возникало по поводу тоталитарного строя, при котором мы прожили 70 лет. Тут (по крайней мере, на поверхности) — всё ясно. Есть единый вождь, как бы он ни назывался: председатель Совнаркома, Генсек. Вокруг него есть круг ближайших помощников — на моей памяти они назывались членами Политбюро, и их портреты вывешивались по праздникам, а внизу — “единая и единственная” партия. Но и тут было чувство недостаточной устойчивости всей системы, которое “компенсировалось” выборами, правда очень грубо организованными — с одним-единственным кандидатом. И здесь был свой “правлящий слой”, для принадлежности к нему необходимым (но далеко не достаточным) условием было членство в “единой и единственной” партии.

Сам правящий слой состоял из активных членов этой партии — это была номенклатура разного уровня. Очень похоже, что так же обстояло дело и в других государствах, построенных по тоталитарному принципу — Германии, Италии... Но сейчас в мире одерживает верх другой принцип отбора “правлящего слоя”. Поскольку он проявляется в самых разных странах, можно предположить, что здесь вырисовывается общий уклад, который будет господствовать в большей части человечества в ближайшие десятилетия. Он основан на господстве денег и в этом смысле является “плутократией”.

В нашей стране он осуществлён в результате “перестройки” — переворота, совершённого в конце 1980 — в начале 1990-х годов. Естественно, что правящий слой состоит из тех, кто этот переворот совершил, и их наследников. Этот слой (в том числе и в западном мире) образуют владельцы крупных состояний (в нашей стране их называют “олигархами”) и те, кто обслуживают их власть: политики, журналисты, телевизионные комментаторы и т. д.

Несколько лет назад, когда Путин (тогда ещё президент) “общался с народом” по телевизору, через цензора каким-то образом проскользнул вопрос: какова величина его состояния? На что он и ответил, честно глядя в экран, что его главное состояние — это доверие народа. На самом деле вопрос был разумный, он определял его “рейтинг”, то есть определял, какое место в правящем слое он занимает — принадлежит он к внутреннему кругу “олигархов” или к какому-то из концентрических кругов, составляющих правящий слой.

Возвращаясь к “евразийцам”, с которых начата работа, естественно рассмотреть книгу Н. С. Трубецкого “Европа и человечество”, в которой он излагает свои основные концепции — по существу, эта книга содержит базу учения евразийцев. Её главные положения таковы: сейчас (то есть в период написания этой книги) в мире господствует европейская или, как её называет Трубецкой, “романо-германская культура”. Она подчинила (в разном понимании этого термина) многие страны мира и стремится подчинить себе весь мир. Для этого (или параллельно с этим процессом) она выработала особую идеологию.

Идеология эта заключается в том, что только романогерманцы являются людьми, поэтому их ценности — общечеловеческие и только их цивилизацию, собственно, и можно называть цивилизацией.

Эта идеология, которую романогерманцы называют “космополитизмом”, по мнению Трубецкого, является “общероманогерманским шовинизмом”. В основе её лежит чувство, которое Трубецкой называет “эгоцентризмом”. По-видимому, оно является врождённым и наследуемым. Во всяком случае, Трубецкой называет его “бессознательным”. Это чувство безусловного превосходства над другими народами. Из него и вытекает идеология, согласно которой те народы, которые более похожи на романогерманцев — лучше, “цивилизованнее”, а те, которые менее похожи — хуже. Те же, которые романогерманцам вовсе не понятны, объявляются “дикарями”. Доказательство этого взгляда сводится к тому, что, как правило, романогерманцы оказываются сильнее “дикарей” и способны их себе подчинить. Процесс подчинения мира романогерманцами называется “европеизацией”.

Трубецкой указывает на нелогичность такого взгляда, который и не подтверждается историей. Он пишет: “Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих — низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо”. До сих пор эта идеология служит лишь для того, чтобы “оправдывать перед глазами романогерманцев и их приспешников империалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство “великих держав” Европы и Америки”.

Процесс “европеизации мира”, по мнению автора, для других народов является несомненным злом. “Народ, не противодействующий своей “отсталости”, очень быстро становится жертвой какого-нибудь соседнего или отдалённого романогерманско-

го народа, который лишает этого отставшего члена “семьи цивилизованных народов” сначала экономической, а потом и политической независимости и принимается беззастенчиво эксплуатировать его, вытягивая из него все соки”.

В той же работе Трубецкой ставит вопрос: “Как же бороться с этим кошмаром всеобщей европеизации?” Он подчёркивает, что человечество, “состоящее в своём большинстве из славян, китайцев, индусов, арабов, негров и других племён, которые стонут под тяжёлым гнётом романогерманцев”, в целом гораздо сильнее, но разъединено (что предполагает некоторое биологическое или культурное единство “романо-германцев”). Сам же Трубецкой предлагает путь “идеологический”. То есть путь “великой и трудной работы по освобождению народов мира от гипноза “благ цивилизации” и духовного рабства интеллигенции всех неромано-германских народов”.

Но опыт истории показывает, что при всем влиянии интеллигенции она скорее склонна обслуживать тех, в чьих руках деньги и власть, чем “возглавлять восстание” против них.

И тем не менее на наших глазах осуществляется, правда, в значительно изменённом виде, вариант того, что предвидел Трубецкой — освобождение большей части человечества от господства западной цивилизации. Сейчас все говорят об экономическом кризисе западной экономики. И, действительно, — это громадная совокупность человеческих несчастий. Многие миллионы людей теряют работу, единственный источник их существования, — а вместе с ней и дома, построенные в кредит, и любое жильё. В этом явлении таятся и другие угрозы. Можно сравнить теперешний кризис западной экономики с предшествующим — начала 1930-х годов; считается, что тот кризис был преодолен администрацией Ф. Рузвельта за счёт вмешательства государства в экономическую жизнь: путём строительства дорог, создания новых предприятий, большого числа рабочих мест. Но многие экономисты считают, что тогда кризис лишь удалось стабилизировать, рост экономики оставался незначительным. Мощный рывок западная экономика получила лишь с началом мировой войны. Это-то и было функцией администрации Ф. Рузвельта, хотя на выборы он шёл под лозунгом, что “американские матери не будут посылать своих сыновей на войну”. Сторонники этой версии считают, что Рузвельт направил ноту ультимативного характера Японии, которой не оставалось другого выбора, кроме войны. Есть целая литература, аргументирующая то, что, получив по каналам разведки информацию о готовящемся ударе, он не сообщил об этом командующему базой в Пёрл-Харбор (правда, есть ещё больше книг, опровергающих такую версию). Конечно, история не повторяется дважды, и нам остаётся только гадать, что предпримет мировая финансовая олигархия сейчас, чтобы отсрочить свой крах.

Но экономический кризис является лишь материальной, а потому более заметной частью общего кризиса западной цивилизации. Например, имеет место колоссальное падение рождаемости среди и создавших, и поддерживающих её народов. То есть, говоря более грубо, эти народы вымирают. Может быть, ещё более важным признаком является исчезновение какой-то почти бесовской энергии, вдохновлявшей представителей этой цивилизации. Того, что Шпенглер окрестил “фаустовским духом”. Когда-то несколько сот испанских авантюристов покорили громадную империю инков в Перу, а сейчас все военные силы США и их союзников по НАТО не могут справиться с арабами, населяющими Ирак...

Мы являемся свидетелями картины, противоречащей всем нашим представлениям: при столкновении двух сил, из которых одна несопоставимо сильнее другой как физически, так и интеллектуально, именно первая проигрывает и рассыпается, как куча песка.

Однако мне кажется, что аналогичная картина уже была описана в художественном произведении. Я имею в виду фантастический роман английского писателя Г. Уэллса “Война миров”. Содержание романа таково. На землю высаживаются марсиане и стремятся её завоевать. Они несравненно превосходят жителей Земли технически: у них есть летательные аппараты, о которых тогда (действие происходит в XIX веке) люди только мечтали, какие-то разрушительные лучи типа лазеров и т. д. Они легко покоряют Англию, потом Францию. Но вдруг неожиданно все гибнут. Оказывается, у них нет иммунитета против самых тривиальных болезней, иммунитета, который жители Земли выработали за миллионы лет, заплатив за это несчетанными миллионами жизней. Так что победителями “непобедимых” марсиан оказываются... бактерии, с которыми мы привыкли спокойно жить.

Нечто аналогичное разыгрывается на наших глазах, только роль марсиан играет западная цивилизация, а роль бактерий — остальной мир. Это и есть развязка исторического противостояния “Европа и человечество”, о котором пишет Трубецкой.

Драма, разыгрывающаяся на наших глазах, столь грандиозна, что невольно напрашивается какое-то апокалиптическое её толкование. Это конец мира или, по крайней мере, конец истории человечества. Что далеко не немислимо: ведь и наша история, когда-то начавшись, должна когда-то и закончиться.

Но существует и более тривиальное объяснение, которое мне кажется поэтому более правдоподобным. Ведь не было такого века, когда бы европейское человечество не ожидало конца Мира сего! Тот альтернативный выход, о котором я говорю, был, как мне кажется, впервые сформулирован Н. Я. Данилевским в книге «Россия и Европа». Потом к тем же мыслям пришли и другие историки (или почерпнули их в его книге) — например, О. Шпенглер, А. Тойнби и др. Концепция Данилевского заключается в том, что история человечества состоит из истории различных цивилизаций, сменяющих друг друга. (Термин «цивилизация» принадлежит Тойнби, сам Данилевский то же явление называет «культурно-историческим типом».) С такой точки зрения мы сейчас (в XXI веке) переживаем закат западной цивилизации, которая захватывала всё большую часть мира и распространялась примерно в течение 500 лет, сменив расцветавшие до того римскую, эллинистическую, вавилонскую, египетскую и многие другие цивилизации.

Конечно, весь предшествующий текст был написан с одной целью — задуматься над тем, какое будущее ожидает нас, то есть русских, при таком перевороте. И есть ли у нас вообще какое-либо будущее? Ведь Россия существует по крайней мере со времён Московского царства или даже со времён св. Владимира. И трудно представить себе, чтобы такое грандиозное государство, как Киевская Русь, возникло внезапно. Поэтому кажутся естественными попытки покойного академика Б. А. Рыбакова разглядеть какие-то предшествующие этому черты. И, действительно, ведь ещё Геродот писал, что севернее кочующих скифов живёт какой-то народ «скифов-хлебопашцев». Всё это охватывает громадный промежуток времени. И чтобы рассуждать о будущем русских, нужно отказаться от масштабов, которыми измеряются знакомые нам цивилизации — несколько столетий. Но ведь так же обстоит дело и с длиной человеческой жизни. Одни гибнут в младенчестве, другие живут какой-то мафусаилов век. И никто заранее срок жизни человека предсказать не может, а иначе человеческая жизнь была бы подобна жизни в камере смертника. Вероятно, так же дело обстоит и с народами: от одних остаётся лишь поговорка «погибоша, яко обры», другие существуют тысячелетиями (например, в Китае). Поэтому от этого аргумента, — что русские существуют уже давно, — как мне кажется, следует отказаться. Так я и предлагаю поступить в оставшейся части этой работы. То есть буду считать, что какое-то будущее у русских есть, и обсуждать — как мы на это будущее можем повлиять.

По-видимому, ситуация, с которой мы сталкиваемся сейчас, далеко не уникальна в истории. По крайней мере, мне кажется разумной мысль, высказанная И. Л. Солоневичем: «В великих столкновениях великих народов побеждает не «геройство» — побеждает выносливость. Героические моменты этой борьбы потом используются в качестве наглядных и воодушевляющих символов». И конкретнее, в применении именно к русской истории: «Самых опасных наших противников — татар с Востока и поляков с Запада — мы взяли не героическими победами и не сокрушающими поражениями. В борьбе с татарами даже и Куликовская битва в сущности ничего не изменила: мы продержались триста лет, а татары за те же триста лет выдохлись окончательно». Так произошло и сейчас: в столкновении с Западом Россия, несмотря на все поражения и уступки, продержалась, а Запад «выдохся окончательно».

Как мне представляется, все чередование различных цивилизаций следует довольно единообразной схеме. А именно, каждая цивилизация формируется одним народом или группой родственных народов. Для этого необходимо, чтобы данный народ (или народы) обладал сравнительно редким свойством — способностью (у многих из составляющих его лиц) жертвовать своей жизнью ради сохранения и расширения сферы распространения своей цивилизации. Это свойство Л. Н. Гумилёв называл «пассионарностью». До сих пор идут споры о том, является ли такое свойство врождённым, биологическим признаком или создаётся под влиянием определённой культуры. Но несомненно, что русский народ этим свойством обладает. Возможно, что в будущем появится другой народ, обладающий этим свойством в большей степени, чем русский, и тогда русские в истории сойдут со сцены как определяющая сила, но пока такого народа не видно. Несомненно, что народы западного мира (т. е. «романо-германцы», о которых пишет Трубецкой) такой «пассионарностью» обладали, но сейчас на наших глазах стали быстро её терять. Таков первый признак того, что русские пригодны для создания новой, «постевропейской» цивилизации.

Как мне представляется, способность некоторой нации формировать новую цивилизацию обусловлена распространением в этой нации определённого взгляда на

взаимоотношения человека и Космоса. Таким взглядом народы, образовавшие западную цивилизацию, несомненно обладали. Он заключался в покорении Космоса человеком и использовании его тайн для нужд человечества. Главным средством познания Космоса при этом считался эксперимент, то есть способность поставить природные явления в определённые условия, которые точно повторяли бы и выделяли некоторые свойства природы. Ещё в XIII веке монах Роджер Бэкон назвал естествознание “*scientia experimentalis*”. Ту же идею в XVI—XVII вв. пропагандировал его однофамилец Френсис Бэкон, заложивший основы идеологии новой науки. Шпенглер описывает это направление в науке как “допрос с пристрастием природы при помощи рычагов и винтов, результатом чего являются простирающиеся перед нашим взором равнины, уставленные фабричными трубами и копрами шахт”.

Живший одновременно с Ф. Бэконом Галилей (вероятнее всего, что они друг о друге даже не знали) сравнивал эксперимент с “испанским сапогом”, в который человек зажимает природу, чтобы она открыла ему свои тайны. Как говорил Шпенглер, “они вырывали у божества его тайны, чтобы самим стать Богом”. Это другая сторона деятельности “фаустовского духа”, направленная не на соседние народы, а на природу.

Как утверждает Солоневич, русский народ несёт свою концепцию отношения к другим народам, — а также, очевидно, и к Космосу, — которую автор характеризует как “уживчивость”. Солоневич утверждает: “Русскую государственность создали два принципа: а) уживчивость и б) “не замай”. Такой новый подход в отношениях человека и Космоса особенно насущен сейчас, когда максимальное следование “фаустовскому духу” западной цивилизации привело человечество на грань экологического кризиса. Это второй признак того, что русские пригодны для формирования “постевропейской” цивилизации.

Третий аргумент исходит опять из того, что мы присутствуем при смене цивилизаций. С этой точки зрения наиболее близкий к современности прецедент — это упадок римской цивилизации. И действительно, обе эпохи поразительно напоминают друг друга, даже в деталях. Но падение римской цивилизации повлекло за собой колоссальный упадок культуры. Это то время, которое историки часто называют “тёмными веками”, в отличие от Средневековья, развившего тонкую и глубокую культуру. Тогда такой период длился лет 500. Очевидно, и современное общество дичает на наших глазах. Например, исчезает культура чтения, бывшего в течение тысячелетий основным инструментом передачи традиции следующим поколениям. Или вот сейчас заговорили о пиратах, о которых европейское человечество не слышало последние лет двести.

Очевидно, предстоит новая эпоха “тёмных веков”, и вероятно, что человечество заинтересовано в том, чтобы эта эпоха была как можно короче и сохранилось бы как можно больше культурных ценностей, укоренившихся в эпоху господства западной цивилизации. В этом отношении русский народ находится в особом положении в сравнении с другими крупными народами или группами народов, могущих претендовать на создание новой цивилизации. Он (возможно, себе на горе и несчастье) впитал громадное число продуктов западной цивилизации, не подчинившись (надо надеяться) в своей духовной основе ей полностью и не став её послушным органом.

Как обычно бывает в Истории, этим аргументам в пользу того, что русские пригодны для создания “постевропейской” цивилизации, противостоит мощный контраргумент. Если представить себе, что все изложенные аргументы положены на одну чашу весов, то он находится на другой чаше.

Этот контраргумент заключается в том, что правящий слой современной России полностью подчинён Западу: экономически, политически и культурно. Вот в этом “колебании весов”, как мне представляется, и состоит История, и, в частности, здесь проявляется свобода воли — как отдельных людей, так и целых народов.

В нашем же положении явно есть простор для таких “колебаний”. Это, может быть, беспрецедентная в истории ситуация. С одной стороны, существующий сейчас строй создан с опорой на силы Запада — прежде всего финансовые, но также культурные и пропагандистские. В ряде предшествующих работ я описывал путь, каким Запад установил своё господство над Россией. Он начал с обычного пути, которым пользовался в Америке, Африке, Азии — завоевания. Но громадное число таких попыток доказало, что сил Запада недостаточно для завоевания России. Подобные попытки лишь пробуждают “остервенение народа”, по слову Пушкина. Тогда был испробован и достиг цели “обходной путь”. Это был коммунизм. В сжатой форме идею можно сформулировать так: чтобы приватизировать экономику страны, её нужно сначала национализировать.

История его возникновения определяет и весь характер сложившегося у нас правящего слоя — он тесными узами связан с Западом. Но, с другой стороны, сам Запад на глазах слабеет и не в состоянии поддерживать своих ставленников — это яснее всего проявилось на примере Грузии.

Однако правящий слой должен на кого-то опираться. Обусловленная Историей опора уходит из-под ног. Единственной альтернативой остаётся народ, в подавляющем своём числе — русский. Поползновения правящего слоя найти в русском народе другую точку опоры видны хотя бы в изменении всего словесного аппарата современных политических деятелей или в уходе от “kozyревской” внешней политики.

Но груз происхождения продолжает на этом слое висеть. Поэтому он и его официальные представители занимают такую двойственную позицию. Все политики теперь клянутся “отстаивать национальные интересы” (хотя спросить — интересы какой нации имеются в виду — “неполиткорректно”), представители правящего слоя ведут себя как православные, хотя официально об этом не заявляют. И т. д.

Ситуация напоминает эпоху Ивана Калиты. Кем он был — верным слугой золотоордынского хана, добывавшим ему “выход” побольше из его “Московского улуса” — или же он за 50 лет уже готовил Куликовскую битву? Вряд ли он сам мог ответить на этот вопрос, да и ответ зависел не только от него, а в значительной степени от его потомков.

Как мне представляется, противоречие интересов народа и правящего слоя (власти) — неизбежная черта Истории. Оно проявлялось и в дореволюционной России, когда, например, политика страны определялась много раз династическими интересами, а не интересами всего русского государства. Но, конечно, основным противоречием между интересами власти и народа в дореволюционной России было 100-летнее сохранение крепостного права после провозглашения “дворянских вольностей”.

Оно же проявлялось и в истории Рима. В своей книге “О Граде Божьем” блаженный Августин объясняет, например, ослабление Рима сравнительно с “варварами” именно тем, что правящий слой не выдержал “искушения властью” и поддался тенденции, которую бл. Августин называет “страстью к властвованию” (*libido dominandi*). Молодой, честолюбивый римлянин видел себя полководцем во главе легионов, присоединяющих к Римской Империи всё новые провинции. Как пишет Августин, за это ему при жизни ставили статуи, а после смерти он оставался в Истории как герой. А в результате численность населения Рима и вообще культурного ядра Империи — Италии и Греции — неуклонно сокращалась, так что наиболее боеспособные легионы состояли из тех самых “варваров”, с которыми они воевали.

То же противоречие проявилось и в коммунистический период нашей истории, когда крестьянство было принесено в жертву “страсти к властвованию” со стороны тогдашнего коммунистического правящего слоя.

Так что, подымаясь над всей Историей, надо, вероятно, признать, что рано или поздно при любом строе такое противоречие возникает. Но мы можем работать над тем, чтобы оно возникло как можно позже, то есть чтобы строй, при котором мы живём, был более устойчивым. Это значит, чтобы его правящий слой как можно позже поддавался “искушению власти”. То есть как можно дольше ощущал своё единство с остальным народом. А это единство в качестве необходимого (но, как показала многократно История, недостаточного) условия включает национальное единство. Например, Солоневич считает, что правящим слоем России вплоть до самой Революции было дворянство (в чём я с ним не согласен, и соответствующие аргументы приведены выше), так что именно оно, по его мнению, несёт ответственность за Революцию. Тем не менее он пишет:

“И как ни глубока была измена русскому народу, русское дворянство всё-таки оставалось русским — и его психологический склад не был всё-таки изуродован до конца: та совестливость, которая свойственна русскому народу вообще, оставалась и в дворянстве. Отсюда тип “кающегося дворянина”. Это покаяние не было только предчувствием гибели — польскому шляхтичу тоже было что предчувствовать, однако ни покаянием, ни хождением в народ он не занимался никогда. Не каялся также ни прусский юнкер, ни французский виконт. Это было явлением чисто морального порядка, явлением чисто национальным: ни в какой другой стране мира кающихся дворян не существовало”.

Это и является сейчас нашей главной целью, чтобы в складывающемся новом укладе правящий слой был в основном русским. И это не является ни “русским экстремизмом”, ни “шовинизмом”, а связано просто со стремлением к тому, чтобы возникающий строй был более устойчивым и продержался по возможности дольше. Чем

более устойчивым будет складывающийся строй, тем с большей вероятностью мы обеспечим спокойное существование своим детям и внукам. А для этого следует постепенно убеждать руководящее ядро правящего слоя, то есть власть, что он может апеллировать к “остервенению народа”, только предлагая взамен не риторические фигуры (причём в чётко ограниченных рамках), а нечто более конкретное.

Вот здесь и возникает, как мне представляется, основная задача русской интеллигенции. Ведь уже лет 20 (после провозглашения “гласности”) происходят попытки создать русское национальное движение. И надо откровенно признаться, что из этого до сих пор так ничего и не получилось. Видимо, это означает, что “русские патриоты” пользовались каким-то языком, которого народ не склонен слышать, то есть “не понимает”. Ведь все обращённые к народу призывы звали к “протесту”, то есть, в огрублённой форме, “к топору”. А реакция народа была совершенно другой. В самое тяжёлое время он реагировал не столь стандартными средствами: восстаниями, забастовками и т. д., а совершенно новым, невиданным в истории — голодовками.

Значит, чувство народа говорит ему, что сохраняется надежда на то, что интересы власти сами приведут её к правильному решению. По своему происхождению власть — антирусская, и такова же, в значительной мере, и проводившаяся ею политика. В качестве самого яркого примера — это вообще уничтожение национальности как юридического понятия (соответствующей графы в документах — почему тогда не пола или возраста?). В стране, где подавляющая часть населения — русские, эта мера может рассматриваться только как антирусская. Но постепенно власть осознаёт, что у неё вообще нет другой опоры, кроме народа. А народ — в подавляющей части — русский. Это и создаёт двусмысленность современной ситуации. Сейчас лозунг власти — “Прорвёмся!” Но ведь он типично не логичен. Сама власть никуда “прорваться” не может. Это есть лишь призыв к “остервенению народа”, то есть к тому, чтобы стянуть потуже кушаки, а если понадобится, то и жертвовать жизнями.

Функция же национальной интеллигенции в этих условиях заключается, как мне кажется, в чёткой формулировке того, что никто за антирусскую власть ни голодать, ни умирать не захочет. Сама власть должна сделать выбор и совершить конкретные действия, показывающие, что она больше не направлена против русских. Одних фраз в теперешней ситуации уже недостаточно.